

Н. Ю. Беляева

Публичная политика: от модулей
описания властного пространства –
к инструментам гражданского
действия

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Belyaeva_moduls.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

Н. Ю. Беляева

Публичная политика: от модулей описания властного пространства — к инструментам гражданского действия

Хотя я выступаю практически в заключении нашего обсуждения, не могу не начать с вопросов и к основному докладчику и к организаторам семинара. Потому что с одной стороны, когда я получила приглашение с обозначенной серией вопросов, оно звучало так актуально современно и так практично, это не оставляло сомнений в направленности семинара на гражданское действие. Однако, доклад выстроен как анализ теоретических моделей, сравнивающих возможности общественного мнения — в разных его состояниях — сохранять свободу от манипуляций и оказывать влияние на формирование политики.

Поэтому и большинства выступлений посвящено тому, правильно или нет, понимали публичную сферу во времена Гегеля и Хабермаса, и сегодня, какую модель общественного мнения надо выбрать для правильного описания современной политической реальности.. То есть, наша дискуссия может приобрести исключительно теоретическую направленность, потому что мы все так или иначе читали названные работы классиков политологии, и, в общем, это сама по себе интересная тема. Действительно, с научной точки зрения - важно разобраться, какая из моделей точнее, особенно, если мы рассматриваем политические события прошлого. Но если мы хотим рассмотреть и описать то, что происходит сейчас, нам надо говорить не столько о теоретических моделях прошлого, сколько о конкретных социальных и политических акторах, которые действуют в публичном пространстве России сегодня. И не случайно самый первый вопрос, который у меня возник, когда

описывали идеальную модель функционирования общественного мнения в его «качественном» состоянии, можем ли мы привести пример, что так оно и было, что «качественное» общественное мнение как-то на этих «критических площадках» артикулировалось, выражало какие-то конкретные интересы, а затем власть это все принимала и согласовывала свои дальнейшие действия с этим общественным мнением?

Я не нашла в реальной исторической практике такой модели. Потом, когда вы рассказывали о трансформации этого образа, стало ясно, что в общем-то ее и не было никогда в полной мере реализовано этой модели. Но тем не менее когда сейчас мы сравниваем сегодняшнее состояние с прошлым, говорим: она утрачена, подразумевая, что была такая модель. Тогда, может быть, надо говорить не об утрате «хорошей» модели и «хорошего» качественного общественного мнения, а о том, что эта идеальная модель просто не состоялась? Это была скорее мечта, надежда, идеализация публичного пространства, была попытка создания модели, которая не выдержала испытания исторической практикой. И, вместо того, чтобы жалеть об ее «утрате», надо признать, что ее «описательные возможности» не сработали, - и попытаться строить более современную, более реалистичную модель, описывающую реалии сегодняшней политики.

И вот это мой второй вопрос: существует ли она сегодня — публичная политика в современной России — и где ее граница? То есть все эти попытки определения, конечно их можно тоже очень долго обсуждать исключительно на теоретическом уровне, но конкретные признаки публичной политики сразу проявляются, подобно картинке, то есть становятся очень внятными, когда мы начинаем о них рассказывать на примере действий конкретных субъектов современной политики. Например, когда вы определили публичную сферу как собрание частных лиц, дискутирующих между собой и с властью по поводу управления государством и регулирования гражданского общества, у меня возникло множество вопросов и противоречий в отношении этого определения. Я просто перечислю, что именно мне не нравится. В первую очередь мне не нравится определение, которое невозможно применить к сегодняшнему дню.

Просто потому что если мы соберем все перечисленные признаки сегодняшней политической жизни России, то получится, что у нас нет вообще никакой публичной политики. Многие люди так и считают, но это поставило перед нашей дискуссией серьезный вопрос: всегда ли

«критической площадкой» должно быть «собрание», пусть даже не реальное, а виртуальное или это просто «сфера» пересечения интересов, которые могут быть подвержены публичному обсуждению, а могут просто от него отстраниться. Таким образом, первый вопрос по поводу определения публичной политики — собрание ли это?

Второй вопрос, всегда ли это частные лица, или это должны быть именно «частные лица», или на их месте могут быть общественные структуры? Вот, например, мы говорим: есть общественные интересы, а есть частные. Мы с Юрием Андреевичем Красиным уже года три по этому поводу спорим, «я»- говорит, «не считаю, что это главное деление «на частное» и «общественное» именно потому, что есть такая вещь, как группа, есть групповые интересы. А если они есть, то куда относятся к частным или к общим?» Где количественная граница такой группы? Если это группа, например, из трех человек, и все из одной семьи — скорее всего частные интересы она представляет. А если это группа из нескольких миллионов человек и больше — например инвалидов, обездоленных, мигрантов — то что это, частные интересы или общественные двенадцати миллионов человек и больше? А если частная небольшая группа экологических активистов защищает общественные интересы, то как к этому отнести? И где количественная граница: миллион, два миллиона, пятьсот тысяч или просто несколько сот турок-месхетинцев — они «частная» группа или «общественная». Эти реальные социальные группы, куда их отнести в данном определении?

Итак, первое уточненное понятие — «собрание», второе — частные ли это должны быть лица? Собрание частных лиц, как субъекты политики?

Мне это уже кажется неточным, потому что далеко не всегда частные лица — это самые эффективные субъекты выработки публичной политики. Мне представляется, что как раз это в меньшей степени это частные лица. Как правило, это либо социальные группы, либо представители социальных групп. Потом, вопрос, что именно они на этих «площадках» обсуждают. Непременно ли регулирование государством? Вовсе нет, я так не считаю. Есть целый ряд вопросов, который является предметом обсуждения публичной сферы и который вообще не имеет отношения к государству. Это вопросы взаимодействия между социальными группами, это вопросы межпартийной дискуссии, — они вообще ведутся не по поводу государства. И вопросы по поводу регулирования гражданского общества. У нас, конечно, тоже есть много

таких вопросов, например, «Взаимодействие фонда «Интерлигал» и центра Стратегия» по развитию гражданского участия в РФ», которые не связаны с регулированием и тем более с государственным регулированием.

Почему я прицепилась к определению — это только для примера, потому что можно всегда найти, как можно покритиковать определения с разных сторон. Мне кажется интересно применить ту теоретическую концепцию, которую вы обрисовали, с точки зрения влиятельности общественного мнения на принятие политических решений. То есть если вы говорите, возможно ли «качественное» мнение, то мы подразумеваем более простой и понятный вопрос, может ли общество влиять на механизм принятия властных решений? Мне представляется, так будет проще, точнее, ближе к современной политической практике. То есть, существуют ли такие механизмы, когда общественная неудовлетворенность, постановка новых вопросов, формулирование какой-то новой повестки дня, отличной от той, которая сейчас применяется властью, на сколько общество может влиять на решения власти или на их корректировку.

На этот вопрос можно ответить, если рассматривать не «модели», а конкретных субъектов этой публичной политики. Например, карликовая политическая партия «Возрождение России» — ни на что повлиять не может, а движение Мемориал или коалиция «Мы - граждане» — может

Надо преобразовывать модели в инструменты конкретного гражданского действия